

08.08.93 г.

— Интересно узнать, каким был в раннем детстве мальчик Слава...

— Меня все тогда звали Славиком.

— Наверное, круглым отличником, активистом и примерным учеником музыкальной школы?

— Я действительно был отличником до седьмого класса включительно. При этом успевал заниматься спортом, музыкой. Как все мальчишки в этом возрасте, любил похулиганить: и стекла бил, и в потасовках участвовал.

— Ну, это небось когда девчонок защищали?

— Скорее, девчонки сами меня защищали. Я был заметным мальчишкой во дворе, симпатичным. Все знали, что захожу в сборную Москвы по баскетболу, учусь музыке. Я, кстати, с девочками в детстве дружил больше, чем с ребятами. Наверное, поэтому у меня с детства отложилось чувство уважения и любви к женщине и образ женский в творчестве доминирует.

Я рос без отца, но не чувствовал себя сколь-нибудь ущербным. Мы жили с матерью очень хорошо. Она прививала мне все необходимые для жизни качества. Она же первая настояла на том, чтобы сын занимался музыкой. Поскольку сама была музыкальным человеком: часто пела мне милым, чистым голосом. К тому же музыкальные способности выявились у меня очень рано — в трехлетнем возрасте.

— Славика ставили на табурет, чтобы видно было, и просили чем-нибудь поразить гостей?

— Да, точно. У меня была маленькая гармошечка. И часто, слушая радио, даже на игрушечном инструменте воспроизводил то, что звучало в эфире. Взрослым это жутко нравилось, они умилялись и твердили: "Какой способный ребенок. Надо ему учиться музыке!" А мне больше всего хотелось бежать во двор, гонять в футбол...

— Значит, любовь к баяну не случайна, свою роль сыграла детская гармошка?

— Когда мама привела меня в музыкальную школу, группы, где учили по классу фортепьяно, были уже набраны и я начал играть на виолончели. Но мне это, во-первых, было неинтересно, а во-вторых, совсем не радовало перспектива всю жизнь таскать на себе такой огромный инструмент. А в баяне в моем представлении было что-то заливчатское. В то время он был необычайно популярен. Без него не обходился ни один праздник, ни один день рождения. Весь двор собирался, чтобы отметить эти радостные события, попеть, потанцевать под ба-

ян или аккордеон. И главным человеком становился, конечно же, баянист.

После четвертого класса я впервые поехал в пионерлагерь. К тому времени научился подбирать и играть модные западные песенки. Слышать это на баяне было странно, но когда я кому-то показал свое скромное искусство, стали приходить ребята из старших отрядов, просить, чтобы я поиграл. Дело в том, что на танцах у них играл солидный заштатный баянист, а польки и краковяки взрослых ребят не увлекали. И вот, когда мой отряд уже крепко спал, маленький шкет, то есть я, всюю наяривал на танцуплках. У начальника лагеря специально спрашивали на то разрешение. Все ребята из старших отрядов меня очень уважали, говорили: "Ты — наш па-

тете не мешала мне играть в ансамблях.

— Вы помните, как, где и когда написали первую песню?

— Я тогда играл в оркестре Олега Лундстрема. Мы летели на гастроли. Это был мой первый полет на самолете. Все бывалые уже наши музыканты быстро уснули. А я заскучал. Под рукой оказалась газета "Неделя". Стал ее читать и наткнулся на стихотворение. Там было что-то серьезное, патристическое — в общем, одобренное правительственной газетой. Я подумал и написал музыку на эти стихи. Потом показал коллегам по ансамблю. Они долго сомневались в моем авторстве, удивлялись, в конце концов признали, что получилось весьма неплохо. А я понял, что могу писать музыку.

море, у костра, в метро". Я подумал-подумал и сочинил несколько мотивов. Леониду Петровичу один из них приглянулся, и он написал слова: "Зря ты споришь вновь и вновь, кто кому дороже. На земле без нас любовь дня прожить не сможет". Ее записали "Веселые ребята", "Самозвезды" и спел Сергей Захаров. Это был семьдесят третий год.

И вот однажды стою на остановке, долго не подходил автобус. Из открытого окна дома рядом с остановкой слышатся слова "Зря ты споришь вновь и вновь..." Один раз, второй... И так пять раз подряд. Рядом бабка стояла, так аж запричитала: "Ой! Замучил. Музыка все одна и та же, да так громко". А я стою гордый, понимаю: кому-то так нравится моя песня, что ее готовы крутить много раз

казываешься слушать?" — "Дело в том, что, когда я слушаю твою музыку, у меня возникает вибрация. У кого-то это называется "мурашки по телу". Если это происходит — дня через два пишу стихи, которые в соединении с музыкой наверняка станут шлягером". Вот и у меня так же. Если сочиняю музыку и при этом возникает осязательное ощущение мурашек на коже — быть шлягеру.

— Удобно, когда организм так четко реагирует на раздражитель. Это только в музыке или вы вообще остро чувствующий человек? Например, случается вам плакать?

— Наверное, уже старею... Бывает, смотрю какой-нибудь фильм, там, скажем, мать разлучают с ребенком. Чувствую: слезы на глазах. Сиди я в кинотеатре, было

— Что вы вообще цените в женщине?

— Сейчас — хорошее отношение ко мне. Мне важно, чтобы женщина меня понимала, жила в согласии со мной. Мы же родственников не ругаем, любим их, какими бы они ни были. И я хочу, чтобы моя женщина стала мне полностью родным человеком.

— Значит, песня "Любовники" в какой-то мере и о вас тоже. Кстати, как ее восприняли ваши поклонники среднего и преклонного возраста?

— С "Любовниками" было сложно. В былые времена меня бы просто заклеили: как так писать о неприличном. А почему, собственно? Ведь "любовники" — от слова любить. Люди просто встречаются, никого не обманывают. Они — любовники. А если даже и изменяют. Измена измене рознь.

— Скажите, кто ваш друг, и я скажу...

— У меня очень узкий круг друзей, с которыми я по-настоящему близок, с которыми полностью раскрываюсь. Тусовки посещаю очень редко, в светских хрониках стараюсь не появляться: кому это важно, с кем что я ел, с кем что имел. Я человек другой морали. Не ангел, нет. Просто многое пережил, многое переувствствовал, это было связано и с любовью, и с дружбой. Сейчас же у меня определенный круг друзей, который я стараюсь не расширять. По этой причине и в рестораны стараюсь не ходить. Стесняюсь. Там сразу возникает большое число поклонников, которые, может, желая добра, может, стремясь ближе познакомиться, "закорешиться", начинают засорять из разных углов то коньяк, то шампанское, подарки всякие, а то и попросят, что совсем меня не устраивает, "Не съешь мне соль на рану". Я понимаю, что все так и должно быть: колы уж явился народу... Но цветы, слова благодарности — все это хорошо на концертах. Так что приходится, чтобы не создавать неудобств себе и другим, ходить в рестораны в неурочное время, в какой-нибудь закрытый багетный зал, наплавив темные очки и кепочку.

— Вы сегодня богаты настолько, что можете себе позволить...

— В свое время я накопил какие-то деньги и думал, что жутко богатый. Но, поскольку я человек не предприимчивый, все мои деньги после либерализации цен превратились в ничто. Я не вложил их ни в многочисленные квартиры, ни в дачи, ни в машины, ни в валюту. Сейчас концертами зарабатываю себе на жизнь. Часто слышу: вот он, миллионер. Но что такое сейчас миллион, если японский телевизор стоит миллиона три! Раньше с одного концерта я мог купить четыре телевизора, теперь и на один не хватит. Что это за деньги? Так что о богатстве говорить не приходится.

— Когда вы звонили мне в редакцию и не представились, мой коллега, с которым вы общались, сообщил: тебе звонил какой-то крутой мужик. "Почему ты думаешь? Ты же не знаешь, кто это", — осведомилась я. — "По голосу определил". Вы действительно крутой?

— Нет. Пожалуй, самый крутой композитор — Игорь Крутой. А я так себе...

Беседу вела Гузель ГАЛИУЛЛИНА.

ВЯЧЕСЛАВ ДОБРЫНИН:

В РЕСТОРАНЫ СТАРАЮСЬ НЕ ХОДИТЬ. СТЕСНЯЮСЬ

рени! Если будут обижать — только скажи..." Меня и так никто не обижал, но я ходил гордый и довольный таким вниманием и уважением со стороны взрослых.

— Музыкальная школа, музыкальное училище, работа в различных группах. Потом вдруг — МГУ. Зачем?

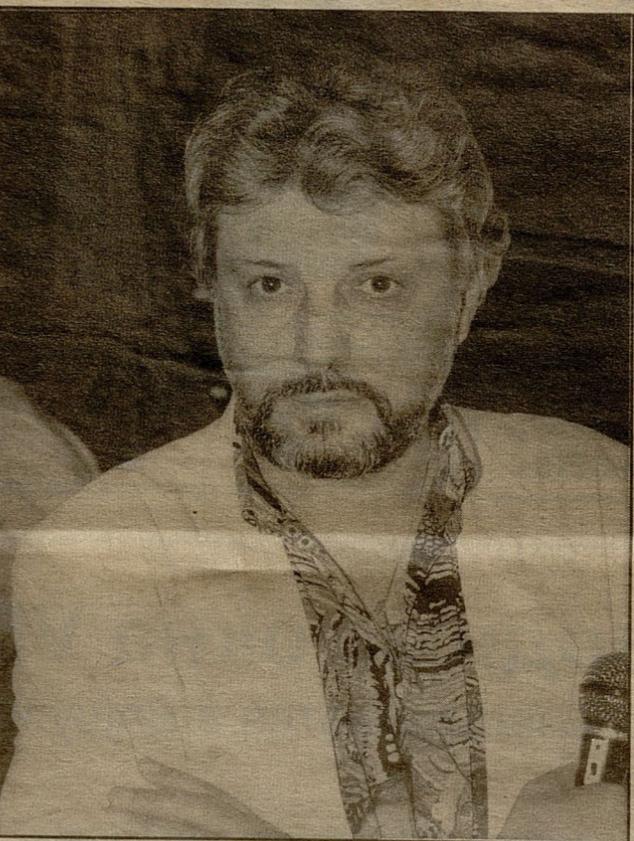
— Ну, не совсем вдруг. Когда закончил училище, посчитал, что мне достаточно музыкального образования — о большой карьере музыканта я тогда не думал. Просто получил кайф от того, что сделал, чего мне хотелось. И хватит. Мне нравилось ходить в музей, смотреть на хорошие картины, скульптуры, любил кино, театр. Хотелось не только наблюдать все это, но чувствовать, знать, понимать. Для этого нужно было учиться. В результате я поступил на исторический факультет МГУ.

Учиться там было сплошным удовольствием. Меня окружали очень тонкие, красивые, изящные люди: искусствоведы, истфаковцы, филфаковцы — особая студенческая аудитория, богемная, не слишком дисциплинированная в отличие от тех, кто служит точным наукам. Мы любили всякие вечеринки, ночные бдения, читали запрещенную литературу. В университете я расширил кругозор. Потом мне это пригодились в жизни: в мир музыки я вошел культурным, образованным человеком. Собственно, я никогда и не порывал с этим миром окончательно. Учеба в универси-

— Когда вы смогли с полным правом сказать: "Вот я и знаменит"?

— Вскоре я зарегистрировал мои авторские права. Были песни, которые исполнялись оркестром Лундстрема, ансамблем "Лада", что-то взяли в рестораны. Когда я появлялся в ВААПе — такой энергичный, симпатичный — девчонки, которые там работали, мне все предлагали: "Давай мы тебе поможем связаться с известными авторами. Они же к нам часто приходят". — "Дербенев, — спрашиваю, — приходит?" — "И Дербенев, и Рождественский, и Шаферан, — отвечают. — Какие песни тебе нравятся?" Я заволновался, мне очень нравился твист "Лучший город земли" — музыка Бабаджаняна, слова Дербенева. Я говорю: "Дербенев, он меня пошет. Я же не Бабаджанян". А Бабаджанян уже тогда был такой уважаемый мэтр эстрады, Магомаев его песни пел. "Ничего, — успокоили меня. — Он творческий человек, очень веселый".

Через некоторое время передали, что я могу позвонить Леониду Петровичу. Мы встретились. Я показал ему несколько своих вещей. Он послушал и честно признался, что мотивы ему не очень нравятся: "Нужно, чтобы ты написал шлягер". Я спрашиваю: "Что такое шлягер?" — "Это когда ты написал песню, а уже на следующий день люди начинают ее петь, мурлыкать, насвистывать, причем везде, где только можно: на улице, в походе, на

подряд.

— Вы легко пишете?

— Подхожу к роялю и почти сразу выдаю окончательный вариант. Могу открыть секрет, как пишу шлягер. Меня Дербенев научил. Однажды я у него спросил: "Почему тебе нравится, когда я играю, а других ты часто от-

бы, наверное, неудобно.

— А собственная жизнь печали не вызывает?

— Почти нет. Больше всего в жизни я плакал, когда в восемьдесят первом умерла моя мама. Я не просто плакал — рыдал, умирал. Я ее любил безмерно. На вопрос: "Вы любите кого-нибудь больше себя?" Я всегда отвечал: "Да. Только одного человека — маму". Сейчас так же люблю дочь Катю. Она у меня длинноногая красавица, умница и очень настойчивая.

— Ее рождению предшествовала пылкая любовь?

— Все получилось естественно, безо всяких романтических подробностей. Мне было уже двадцать семь. Я во многих девчонок переувлюблялся, испытал все радости жизни и наконец устал запоминать лица, имена. Захотелось, чтобы среди этого разнообразия было одно лицо, которое вобрало бы в себя все, что я хочу видеть в женщине. Сейчас я уже десять лет в разводе. Восемь из них живу в гражданском браке с другой женщиной, которую люблю. Ее зовут Ирина. Кстати, первую мою жену тоже звали Ириной. Так что — это имя моей судьбы. Думаю, что наш союз мы рано или поздно узаконим, потому что он меня вполне устраивает. Хотя отметка в паспорте, я считаю, ничего не меняет.

Добрынин Вячеслав